

МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО РЫЦАРСТВА ПО ДАННЫМ ФРУАССАРА

Н. А. Закрочинский

Белорусский государственный университет, г. Минск;

nikitazakrochinskiy02@mail.ru;

науч. рук. – И. О. Евтухов, д-р ист. наук, проф.

В статье автор делает попытку сформировать модель поведения английского рыцарства по данным Жана Фруассара в лице его хроник. Основным стержнем, который детерминирует парадигму поведения дворянского сословия, является «кодекс чести». Он, в свою очередь, сформировал ряд добродетелей, которым должно следовать благородное сословие. Затрагивается поведение рыцарства всей внутренней иерархии: как и обычных рядовых членов сословия, так и высшей аристократии, а также рассматриваются поступки Эдуарда III. Детально рассматриваются эпизоды англо-шотландской борьбы как хронологического поля для проведения исследования. Делается вывод о том, что английская модель, в целом, соответствовала общеевропейскому, однако прослеживается магистраль к пренебрежению следования данным трактатам.

Ключевые слова: Жан Фруассар; английское рыцарство; парадигма поведения; кодекс чести; рыцарские добродетели.

Позднее средневековье стало тем этапом в развитии рыцарского сословия, когда оно, с одной стороны, стало ощущать свой упадок, а с другой, прилагало все усилия для сохранения своей монополии в общественно-политической жизни средневековья. Постоянные военные кампании, бои и сражения являются для нас полем для поиска всевозможных рыцарских добродетелей, которые были зафиксированы в «кодексах чести». Данные трактаты, которые к началу XIV в. имели дидактический характер, а не пространственный, легли в основу модели поведения рыцаря. Уже она представляла из себя образ поведения «идеального рыцаря», к которому приучался, начиная с акколады любой дворянин. Формировалась данная модель на фундаменте военной подготовки аристократического общества средневековья, куртуазного воспитания и образе девяти достойных. Задачей данной работы является формирование национальной английской модели поведения на основе хроники Жана Фруассара.

Честь как та категория, которая абсолютизировала рыцарскую этику, являлась краеугольным камнем всей системы добродетелей. В XIV–XV вв. она приобретает больше нравственное значение, которое следует поддерживать и охранять, а ее военная часть постепенно отходило на вторые планы в представлении рыцарей. Честь всячески оберегалась дворянами и требовала, как и все рыцарские добродетели, следования.

Показательным примером может послужить принятие оммажа Эдуарду Английского Филиппу Валуа в 1329 г. Взаимное уважение рыцарей друг другу выражалось, как и торжествами, устроенными французским королем, так и наглядным доказательством системы подчинения вассала сеньору, ведь: «...он [Эдуард III] обязан исполнить требуемое» [1, р. 86–87]. В данном контексте оба дворянина представляют из себя единое целое, т.к. здесь честь является объектом сохранения путем соблюдения клятв, сопряженных при оммаже. Данные клятвы являлись обыденностью для всего аристократического общества, они могли даваться как и равным друг другу, так и неравным в правовом поле членам феодального общества [2, р. 77].

В противопоставлении чести существовало публичное унижение. Его рыцари средневековья боялись больше всего, что толкало их на принятие решений, которые могли стоять на грани риска жизни. Не отвечать на позор и унижение, которые тебе нанесли иные члены твоего сословия, в мире рыцарства, как и во многих других воинских обществах, считалось недостатком мужественности [2, р. 71]. В истории Англии можно отметить пример, который имел место во время войны с Шотландией в 1330-е гг. между Эдуардом III и Дэвидом Шотландским. Когда последний отказался произвести оммаж в 1332 г., то у короля появился страх перед позором как рыцаря в его обществе: «...если бы не тревожился о своей личной чести и чести своей державы» [1, р. 98]. Аристократия Англии, которая осознавала опасность в этическом восприятии короля были солидарны в данной проблеме, ведь они ощущали опасность унижения перед их сеньором, поэтому заявляли: «...король не может более, без урона для своей чести, сносить обиды, которые ему причиняет король Шотландии» [1, р. 99–100].

С честью одной из важных добродетелей для рыцарей была доблесть. Уже Фруассар видел в этой категории двигатель на действия, которые станут индикатором военной славы благородного сословия. Хронист видел в ней утилитарное применение, которое лишалось религиозной или нравственной мотивацией. Вновь англо-шотландский конфликт становится полем для проявления данной добродетели. В 1335 г. свершился индивидуальный рыцарский поединок между Вильямом Монтэгю и Александром Рамсеем. Инициатива исходила от первого английского рыцаря, который, приглашая соперника на бой, апеллировал на отсутствие презентации этой добродетели: «...не выказав большой доблести» [1, р. 104]. Также Вильям в обращении к шотландцу делал акцент, что сам: «...незадолго до этого поединка был посвящен в рыцари» [1, р. 104]. Данное высказывание может наводить на мысль о желании новоприбывшего члена сословия доказать свою принадлежность к ры-

царству путём проявления добродетели. Бой, проходящий в несколько этапов, был завершён по указанию английского короля, который сослался на то: «...чтобы несчастье приключилось с моим рыцарем, или чтобы шотландец понес слишком большой телесный ущерб» [1, р. 104], при этом он отмечает, что они устроили себе «...очень хорошее и нелегкое испытание», что возможно интерпретировать как санкцию короля на доказательство доблести обоих представителей аристократического сословия.

Милосердие, как еще одна из рыцарских добродетелей, была привнесена римско-католической церковью с целью ослабить постоянные феоды и войны дворянского сословия в Высоком средневековье. Однако в эпоху Столетней войны прагматический характер стал перевешивать нравственную часть категории. Захват пленных был чрезвычайно прибыльным делом для рыцарей, которые стали ощущать уже в XII–XIII вв., ввиду отсутствия жалованья, получавшего лучниками и наемниками. Поведение Томаса Холланада при осаде города Кана в 1346 г. является примером функционирования всей системы. При вступлении английских лучников в город население стало испытывать обстрел с их стороны, при этом отмечалось огромная жесткость со стороны стрелков: «...убивают людей без всякой пощады и не встречают никакого сопротивления» [3, р. 136–137]. И тогда Холланд прибывает на место происшествия, встречает коннетабля и шамбеллана де Танкарвиля и берет их в плен «под свою защиту», при этом стоит отметить: «...Холланд и его соратники постарались спасти и уберечь их жизни» [3, р. 136–137]. Рыцарь заинтересован в их безопасности, чтобы в будущем получить за них огромный выкуп, а лучники, находящиеся на жалованье ни коим образом, не тревожились о состоянии местного населения во вражеской земле. В данном случае Холланд выступает в лице достойного рыцаря, которого можно противопоставить разбойникам, в качестве которых будут выступать, к примеру, два неуправляемых маршала, решившие напасть на Бове и которые: «...постоянно выжигая, опустошая и грабя страну» [3, р. 145–146]. В подтверждении милости можно привести данные, что «...они [английские рыцари] спасли от поругания многих красивых горожанок и монахинь, тем самым проявив великое милосердие, любезность и истинное благородство» [3, р. 136–137].

Особой добродетелью в рыцарском сознании выступает такое понятие как «мужество». Данная категория представляла из себя норму поведения, которое связывалось с происхождением человека. Это то действие, которое двигало амбициями и страстью к земным благам, заботе о чести и славе. Параллельно с этим мужество сопровождало умение

пользоваться оружием, совершать великие подвиги большую страстность и силу. Когда Дэвида II шотландского короля берет в плен Джон Коупленд благодаря «...личной отваге» [3, р. 189–193], то его будет ожидать награда от Эдуарда III за проявленное мужество в виде придворной свиты и содержания в 500 фунтов стерлингов в год [3, р. 198–199]. Как мы видим, мужество, проявленное в утилитарных целях, приводило к награждению за проявленные отваги в бою. Однако не стоит принципиально однобоко смотреть на проявление мужества, ведь имелись и другие варианты, сопряженные с риском потери жизни. Когда сир Бассет и рыцарь Джон Чендос спасли двух дочерей сеньора де Пуа, которые могли быть «...немедленно изнасилованы...» [3, р. 145], то они также проявили рыцарскую добродетель.

Таким образом, можно говорить, что английские рыцари вне зависимости от их места во внутренней социальной иерархии следовали «кодексу чести». Индивидуальные рыцарские поединки приобретают в большей степени некоторую театральность при презентации своих боевых качеств, в то же время данные мероприятия могли выполнять функцию подтверждения инициации в новое сословие. Прагматические расчеты рыцарского сословия на накопление финансовых запасов приводило к смещению в добродетелях от моральных элементов к сугубо утилитарным. Позиция завоевателей англичан во Франции способствовало частичному пренебрежению и отодвиганию на задний план рыцарских добродетелей. Также имеют место и примеры тех рыцарей, которые строго следовали классическим добродетелям

Библиографические ссылки

1. *Froissart's, S. J.* Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV / Newly translated from the French, with variations and additions, from many celebrated mss. by Thomas Johnes // Sir John Froissart's. – London : Longman, Hurst, Rees, and Orme, Paternoster-Row; Fleet- Street, 1805. – Vol. I – 315 p.
2. *Taylor, C.* Chivalry and the Ideals of Knighthood on France during the Hundred Years War / Craig Taylor. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 345 p.
3. *Froissart's, S. J.* Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV / Newly translated from the French, with variations and additions, from many celebrated mss. by Thomas Johnes // Sir John Froissart's. – London : Longman, Hurst, Rees, and Orme, Paternoster-Row; Fleet- Street, 1805. – Vol. II. – 476 p.
4. *Льюль, Р.* Книга о любящем и возлюбленном. Книга о рыцарском ордене. Книга о животных. Песнь Рамона / 2-е издание, стереотипное, отв. ред. А.Д. Михайлов // Рамон Льюль. – Санкт – Петербург: Наука, 2003. – 283 с.
5. *Малинин, Ю. П.* Франция в эпоху позднего средневековья. Материалы научного наследия / Сост., отв. ред. М.В. Аникиев [и др.] // Ю. П. Малинин. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. – 452 с.